

НЕОКОНЧАТЕЛЬНОЕ СЛОВО МАРИО БЕНЕДЕТТИ

В начале 1985 г. в Уругвае наступила весна — не календарная, а политическая, неустойчивая, чреватая перепадами погоды, но все-таки весна. После более чем десяти лет реакционной военно-гражданской диктатуры к власти пришло избранное народом правительство, из тюрем вышли заключенные, в страну, опустошенную репрессиями (полмиллиона эмигрантов там, где общая численность населения едва достигала трех миллионов человек), потянулись изгнанники: рабочие, бывшие служащие, интеллигенция, политические деятели — все, кто в те годы рассеялся по многим странам Америки и Европы вместе с братьями из соседних Аргентины и Чили, где также в 70-х гг. установились диктатуры. В Уругвай вернулись герои Марио Бенедетти. За три года до этих событий, находясь в эмиграции, он выпустил книгу с примечательным названием — «Весна с отколотым углом», роман

о страданиях и борьбе уругвайцев, их надеждах на новую жизнь, о том, как непроста будет неминуемая весна для этих людей.

«...Прогрохотала гроза, пронеслась буря, и теперь, в тишине, мы видим поваленные деревья, развороченные крыши без антенн, обломки, мусор, много мусора. Конечно, надо начинать снова, сажать деревья, но вполне может случиться, что в рассаднике нет прежних семян и саженцев. Когда строят дома, это прекрасно, однако хорошо ли будет, если архитектор по-рабски точно воспроизведет прежний план? Быть может, несравненно лучше обдумать все наново и вычертить план, учитывая все, что нам теперь нужно? Так выметем мусор по мере наших сил, ибо, как ни мети, останется много такого, чего не выметет никто из памяти и сердец», — размышляет один из героев упомянутого романа Бенедетти, который точно предугадал черты трудной уругвайской весны.

Эта замечательная способность Марио Бенедетти заглядывать вперед, чувствовать колебания и изменения социально-нравственной ситуации, формулировать проблему задолго до того, как она возникнет, — едва ли не основная особенность его писательского дара, дара писателя-реалиста, или,

как говорил Карпентьер, «летописца истории» Латинской Америки, континента, пропитавшегося в 60–70-х годах запахом пороха, кровью народных движений.

Несомненна общность устремлений и исканий Бенедетти с крупнейшими современными латиноамериканскими писателями, и все же своим творческим почерком он существенно отличается от тех, кто составил ядро «нового» романа Латинской Америки, давшего свой вариант «большого» современного реализма. На фоне фейерверков мифопрозы, магического реализма, фантастики, поэзии и интеллектуальных парабол его будничная, приглушенная, принципиально антиромантическая проза с нарочито обыденными героями, со «старомодным» психологизмом могла показаться боковой тропинкой, бегущей вдоль основного пути. Но это только на первый взгляд. Бенедетти по-своему и не менее эффективно доискивается до глубинных смыслов происходящего, создает ту художественную философию истории, которая и является главным достижением и вкладом латиноамериканского романа в мировую культуру XX века. Более того, молчаливо полемическая «прозаичность» его прозы имеет свои преимущества, свои открытия, возмож-

но, устремленные к новым горизонтам латиноамериканской литературы — тем, что виднеются «там, за параболами».

Человек, взятый в масштабах не громогласной Истории, а истории с маленькой буквы, то есть в измерении текущей жизни, — вот к кому устремлено внимание Бенедетти, и в этом особая значимость его художественного опыта. Причем опять же не Человек с большой буквы, а «средний», «обыденный» человек — тот, собственно, через которого вершится на самом деле история со всеми своими противоречиями, драмами, трагедиями. Ему Бенедетти задает главный вопрос нашего времени — вопрос о человеческих возможностях, о гуманистическом потенциале, а следовательно, о будущем человечества. Способен сегодняшний обыденный — «средний», «маленький» и даже «мелкий» — человек стать «человеком новым»? Может он или не может соответствовать тем идеалам и требованиям, которые выдвигает наше время?

Знаменательно и то, что Бенедетти, умеющий художественно мыслить совершенно четкими социологическими критериями, точно определяет и как бы настойчиво подчеркивает, к какой социальной среде принадлежит его обыденный герой.

Это «средние» слои, служивый люд — те, кого называют мелкой буржуазией. Выбор такого героя связан у Бенедетти и с особенностями социальной структуры его страны, и с собственным происхождением из «средних» уругвайцев, однако исследование «среднего», «маленького» человека, его поведения в истории приобретает в конечном счете более общее значение. Ведь в Латинской Америке, как это показали драматические события 70-х гг. не только в Уругвае, но и, скажем, в Чили, политическое состояние «средних» слоев, находящихся между основными противоборствующими силами, в точке схождения противоречий буржуазного общества, существенно влияет на исход революции, а значит, на общенародные судьбы. А именно судьба общенародная и волнует Бенедетти — зрелого мастера, пристально, критически и даже сурово изучающего «средних» уругвайцев, но извлекающего из этого исследования не однозначную социологическую истину, а общезначимые уроки, сложный общечеловеческий опыт. Он-то и составляет в конечном счете глубинную основу широкой панорамы исторического бытия уругвайцев и Уругвая, которую воссоздал Бенедетти, меняясь вместе со своей страной и следуя ее истории.

Начальная точка отсчета творческого пути писателя — вторая половина 50-х годов. К этому времени Бенедетти уже написал несколько книг, но все они были лишь пробой сил и поисками своей литературной «страны». Родился Марио Бенедетти в 1920 г. в городке Пасо-де-лос-Торос, отец его владел небольшой аптекой, семья жила скудно, нередко бедствовала. Вырос будущий писатель в Монтевидео, где сосредоточилась едва ли не треть населения Уругвая. Отец отдал мальчика в частный немецкий лицей, где ему в 30-х гг. пришлось почувствовать на себе нараставший дух немецкого солдафонства и расового чванства (впечатления детства отразились в ряде произведений). С 14 лет Бенедетти пришлось подрабатывать в конторе, в 1938–1941 гг. он почти все время жил в соседнем Буэнос-Айресе, где работал стенографом в маленьком издательстве. Впоследствии Бенедетти прошел через множество разнообразных учреждений, контор, которые и стали его жизненной школой. Писать он начал рано, мальчиком сочинил приключенческий роман, затем последовали стихи; в 1945 г. вышла первая поэтическая книга, потом — первый сборник рассказов, «Этим утром» (1949 г.), и первый роман, «Кто из нас» (1953 г.).

В те годы Бенедетти попробовал себя во всех жанрах — как шутил один критик, разве что только не в опере.

Но только после восьми первых книг, изданных «за счет автора», Марио Бенедетти обращает на себя внимание читателя сборником стихов с необычным и вызывающе скучным названием — «Канторские стихи» (1956 г.). Книгу быстро раскупили, неизменно раскупались и ее многочисленные переиздания. Событие это тем более удивительно, что в маленьком Уругвае, где были отдельные яркие прозаики и поэты, в отличие, например, от соседней Аргентины, обычно мало интересовались национальными писателями.

Чем же привлек читателя этот сборник? Дело в том, что, как потом скажет Бенедетти, он оказался первым уругвайским поэтом, который, отбросив свойственные расхожей поэзии псевдопоэтическую метафорику, истерический псевдопафос, заговорил с читателем о том, что ему близко и знакомо по повседневной жизни, о каждодневных тяготах и заботах, да еще разговорной речью. Намеренно буднич- ный, тускловатый голос, пониженная эмоциональ- ность, «нейтральное» слово — то есть все то, что известно в поэзии XX века как антипоэзия. Да и са-

ма центральная тема — конторская жизнь маленького человека... Бенедетти, проводивший рабочее время в конторах, заговорил о том, что сам перечувствовал и пережил вместе с соседями по конторским столам. При этом подчеркнем, что конторская тема имела для Уругвая особое значение.

Несколько лет спустя Бенедетти выпустил публицистическую книгу «Страна с соломенным хвостом» — размышления о судьбах уругвайской нации, ее исторических и социально-нравственных противоречиях и больных проблемах, — где писал: «Если бы я хотел придать этой книге сатирический тон, я начал бы так: Уругвай — это единственная в мире контора, которая дослужилась до звания республики. Однако я не уверен, что такой тон подходит для разговора о самых драматических и темных сторонах нашей национальной жизни. И потому я скажу серьезно: Уругвай — это страна конторщиков. Не важно, что, кроме конторщиков, в Уругвае есть официанты кафе, батраки, портовые грузчики и боязливые контрабандисты. Единственное, что определяет его жизнь, — это стиль мышления уругвайцев, а этот стиль конторский». Наверное, в этом определении была своя доля полемического преувеличения, но несомненно и то, что Бенедетти попал в один из

самых больных нервных узлов национальной действительности.

Маленький Уругвай, зажатый между крупнейшими странами континента, Аргентиной и Бразилией, никогда не выделялся в отличие от бурных соседей ни своим экономическим, ни политическим развитием. «Наша страна — маленький уголок Америки, где нет ни нефти, ни индейцев, ни полезных ископаемых, ни вулканов, ни даже армии, вынашивающей идею государственного переворота» — так иронически охарактеризовал тогда Бенедетти стиль жизни Уругвая, аграрной страны с европеизированным населением. Мясо, шерсть, кожи шли на переработку в Монтевидео — экспортные ворота страны, однобоко ориентированной на внешний рынок. За долгие годы экономической стабильности страна обросла множеством бюрократических учреждений, банков, мелких предприятий и контор, которые породили широкую прослойку мелких собственников, чиновников, канцеляристов и т.п. Формировался одновременно и рабочий класс, однако стиль и ритм жизни страны определяло тогда монотонное и как бы замедленное биение пульса столицы — царства «среднего» человека, мелкого люда большого города.

Бенедетти попал в точку. «Канторские стихи» стали его настоящим литературным дебютом, и с ними он родился не только как поэт, но и, хотя это звучит парадоксально, как прозаик, о чем будет сказано далее.

«Лишь они знают, существую я или нет» — так начинается одно из стихотворений, написанных от лица канцеляриста, от звонка до звонка гнушего на «них» спину над банковскими счетами, накладными, реестрами. Давно известен мировой литературе маленький человек, утрачивающий ощущение себя как человека. «Черт бы побрал, моя рука это или не моя?» — задается вопросом этот человек, глядя, как его рука, независимо от сознания, автоматически совершает бессмысленные операции. Однако отчуждена не только рука, но и сердце, разум. «И вот в этом моя судьба?.. Плакать над бухгалтерской книгой запрещается — чернила расплывутся». И потому с юности — мечта о пенсии как о долгожданной свободе, а фактически мечта о смерти.

Каждое из стихотворений сборника, имеющего свою внутреннюю драматургию, таило, по существу, сюжет для рассказа. Так оно и оказалось. Если в поэзии Бенедетти впервые воссоздал атмосферу канторской жизни в особой, ностальгической тональности,

как сказано в одном из стихотворений, «прогорклого танго», танца-песни, типичного для Уругвая и Аргентины, то в последующей книге — в цикле рассказов «Монтевидеанцы» — этот мир предстал развернутым в широкую панораму и продуманным до самых его основ.

И в этой последовательности — сначала стихи, затем проза — обнаружилась характерная для художественного поиска Бенедетти иерархия жанров: сначала поэзия — болезненное чувствилище литературы, наиболее чутко реагирующее на окружающую действительность, потом рассказ с его аналитическим жалом и, наконец, роман — попытка «тотальной» реконструкции социального и нравственного мира.

Сборник «Монтевидеанцы», вышедший первым изданием в 1959 г. и закрепивший популярность Бенедетти, впоследствии был оценен критикой как один из лучших образцов жанра в латиноамериканской литературе XX века. Пожалуй, в этом нет сильного преувеличения. Хотя в рассказах Бенедетти нет ни броскости, ни внешней занимательности, они берут другим — неопровержимостью художественного свидетельства, абсолютной точностью диагноза социальной болезни.